

Свидетели суицида

«Психоз 4.48» показали в Москве

Коммерсантъ. — 2003 — 17 нояб. — с. 22.

На фестивале NET показали спектакль одного из самых значимых современных европейских режиссеров, поляка Гжегожа Яжины по пьесе Сары Кейн «Психоз 4.48». Рассказывает МАРИНА ШИМАДИНА.

Знаменитого в Европе, но почти неизвестного в России польского режиссера Гжегожа Яжину мечтали заполучить к себе многие российские фестивали. Один из своих спектаклей, «Тропическое безумие», он показывал на «Балтийском доме» в Санкт-Петербурге, но до Москвы так и не доехал. В прошлом году его участие в NET считалось делом решенным, и спектакль «Психоз 4.48» уже был включен в фестивальную программу, но в последний момент дело расстроилось «по техническим причинам». И вот наконец свершилось.

Европейскому мастеру немного за тридцать, он успел поставить всего с десяток спектаклей, но уже умудрился стать знаковой личностью и любимцем театральных фестивалей. Философ по первому образованию, ученик известного польского театрального деятеля Кристиана Лупы, режиссер, который любит водить за нос критиков и скрываться под псевдонимами, он с первых же своих постановок прославился как певец безумия и болезненного сознания. Его дебютная работа «Тропическое безумие» по экспрессионистским драмам Станислава Виткевича рассказывала о спрятанной за масками благопристойности бездне сумасшествия, которая внезапно открывалась под действием восточной музыки, зноя и опиума, а поставленная им пьеса канадца Брада Фрейзера «Неопознанные человеческие останки и подлинная природа любви» кричала о пресыщении наркотиками, алкоголем и сексом. Соединение в его работах шокирующей актуальной драматургии и мастерского владения приемами кинематографа и современного клипового монтажа создали Гжегожу Яжине, как писали польские критики, имидж «мага и гипнотизера, развлекающегося стереотипами поп-культуры и массмедиа».

Магдалена Челецка потрясающе играет человека за 4 часа 48 минут до самоубийства

Но «Психоз 4.48» по знаменитой пьесе англичанки Сары Кейн перевернул представления, которые можно было составить об этом режиссере заочно. Постановка польского режиссера кажется образцом минимализма.

Приемы, которые Гжегож Яжина использует в этом спектакле, можно пересчитать по пальцам. Аскетичные декорации — два стула и стол, несколько умывальников на заднем плане и прозрачная стена в виде ог-

ромного полого пластикового параллелепипеда, который по ходу спектакля медленно передвигается от правого края сцены к левому. Стена постепенно сужает жизненное пространство героини пьесы и в конце концов

Фестиваль «Новый европейский театр»

С 2001 года «Новый европейский театр» (NET) проводится в театрально-культурном центре имени Всеволода Мейерхольда, который является соучредителем фестиваля. Фестиваль проходит при поддержке Государственного театра наций, компаний «Инвесткапстрой», «Ив Делорм» и «Академсервис», Британского совета, Французского культурного центра, Гете-института и продюсерского агентства Vokovfactory. NET покажет спектакли из России, Украины, Литвы, Латвии, Польши, Словении, Германии и Франции.

заставляет пройти сквозь этот закрытый для остальных персонажей рубеж, который, вероятно, и символизирует ту грань между жизнью и смертью, которую вслед за своим alter ego перешла сама Сара Кейн.

Первая роль в спектакле отдала ей, неумной бунтарке, дошедшей в своем яростном протесте против несправедливо устроенного мира до последней черты — суицида. Режиссер решительно умер в исполнительнице главной роли Магдалене Челецкой, которая произносит этот бесвязный кровоточащий предсмертный монолог, названный «Психозом 4.48» по времени, оставшемуся автору до самоубийства, с почти физиологической достоверностью. Первоначальная отрешенность, за которой скрываются бездна отчаяния и с трудом обузданная болезненная потребность в человеческих чувствах, сменяется истерическим выплеском ненаигранного психоза: «Я убивала евреев в газовых камерах, я убивала курдов, я бомбила арабов, я насильвовала моливших о пощаде маленьких детей, массовые казни — это моих рук дело; я отказываюсь, я отказываюсь, я отказываюсь, отвернись от меня». И хотя зрители не понимают смысла произносимых слов (режиссер в последний момент отказался от субтитров), интонации актрисы, ее мелкая дрожь после неудачной попытки отравления сотней таблеток аспирина, запитых бутылкой каберне, говорят сами за себя.

Ее партнеры — ленивый жующий чипсы парень, мужеподобная партнерша-лесбиянка, внимательный седовласый старик — только бесстрастные зеркала, о

которые разбивается крик героини. Поэтому скоро героиня остается один на один с потоком заливающих сцену цифр — то ли бесстрастной медицинской кардиограммой подорванного сердца, то ли ревизской описью преставшего быть одушевленным окружающего мира. Мира, где люди становятся только телами, немощными и дряхлыми, как у проходящей по сцене обнаженной женщины, или юными и подтянутыми, как у самой героини, — не имеет значения.

В последней, самой страшной и впечатляющей сцене спектакля это голое тело дрожит, корчится и кричит в метре от первых рядов зрительного зала. Кажется, актриса, окончательно слившись со своей героиней, в ужасе перед приближающейся смертью просит помощи у публики, отчаянно ловит отводимые взгляды, почти бросается в зал. И не найдя поддержки, со всей силы бьется о стену, чтобы вернуться к зрителям уже перемазанной с ног до головы собственной кровью. Свет, тоже играющий в этом спектакле не последнюю роль, постепенно гаснет, оставляя в темноте только узкую полосу светящихся глаз, вторящих последним словам героини. Когда свет снова вспыхивает, растерянный зал спешит выйти из «предлагаемых обстоятельств» и начинает аплодировать пустой сцене. Но на ней так никто больше и не появился. Гжегож Яжина и его актеры не вышли на поклон. И публике оставалось только надеяться, что они будут все же не так последовательны, как сама Сара Кейн, собственной жизнью и смертью подтвердившая правоту своего искусства.